

Александр Куприн

Гемма

Александр Куприн

Гемма

«Public Domain»

1932

Куприн А. И.

Гемма / А. И. Куприн — «Public Domain», 1932

«Зачем полковник Лосев таскал с собою, среди всякого домашнего хлама, натисканного в дряхлый кожаный чемодан, эту совсем не нужную, бесполезную вещицу – он, пожалуй, и сам не мог бы ответить. Долгий и тяжелый путь его вовсе уже не был удобен, чтобы возиться с пустячными игрушками: дорога из Петербурга на юг России в добровольческую армию, дьявольская гражданская война, отступление, Новороссийск, Константинополь, Болгария, Сербия и, наконец, Франция... Вся жизнь заключалась в лихорадочном складывании и раскладывании походных вещей, которые с каждым этапом убывали в количестве...»

© Куприн А. И., 1932

© Public Domain, 1932

Содержание

Александр Куприн

Гемма

Зачем полковник Лосев таскал с собою, среди всякого домашнего хлама, натисканного в дряхлый кожаный чемодан, эту совсем не нужную, бесполезную вещицу – он, пожалуй, и сам не мог бы ответить. Долгий и тяжелый путь его вовсе уже не был удобен, чтобы возиться с пустячными игрушками: дорога из Петербурга на юг России в добровольческую армию, дьявольская гражданская война, отступление, Новороссийск, Константинополь, Болгария, Сербия и, наконец, Франция... Вся жизнь заключалась в лихорадочном складывании и раскладывании походных вещей, которые с каждым этапом убывали в количестве. Но – странно – дешевенькая сердоликовая печатка никогда не терялась. При разборке и сборке вещей она как-то сама лезла на глаза, и ее механически швыряли на дно чемодана: «Все равно, места совсем не занимает, а вес пустяковый». Так, после многих странствий и приключений, добралась русская печатка инталъе, аляповатая на вид, до славного и доброго города Парижа, до столицы мира, успокоилась прочно на мраморном сером надкаминнике, в шестом этаже гостиницы «Старая Гаскония», на самом краю города-гиганта. И уже успела вся покрыться пылью.

Полковник Лосев из блестящего когда-то академика и флигель-адъютанта сделался отличным городским шофером. За работой был всегда трезвым, с пассажирами приветливым, владел свободно и изысканно французским языком, а главное, был весьма осторожен в езде и никогда не соглашался мчаться дуром, как бы яростно этого ни требовали нервные дамочки и нетерпеливые господа. Оттого-то и клиентура у него была постоянная и солидная, за которой он жил, не испытывая особенно резкой нужды.

Правда, бывали иногда черные полосы общей безработицы или забастовок, когда поневоле приходилось ту же затягивать живот.

Как-то, в один из таких мрачных дней, взглянул случайно полковник Лосев на свою сердоликовую печатку и подумал:

«Я за нее заплатил в Гдове, у старьевщика, когда-то пять рублей. Почему бы теперь не попытаться загнать ее в какую-нибудь лавочку случайных старинных вещей? Франков так за шесть, за пять, а то и за четыре или три? На кой мне черт, наконец, эта дурацкая птица и эта мордатая кошка?»

Сказано где-то давно уже, чуть ли не в Экклезиасте: «Брюхо пустое – ноги резвые». Вставши рано утром, полковник Лосев успел к вечеру обегать все магазины редких старинных вещей на улице Фобур-Сант-Онорэ¹ и великое множество парижских лавок «Антикитэ»². Но успеха он не имел ни малейшего. Кое-где сердолик брали в руки, равнодушно разглядывали на свет и холодно говорили: «Таковыми предметами не интересуемся». В другом месте, сонливо взглянув, бросали сердолик на прилавок. – «Не берем». А в третьем, ничего не сказавши, коротко и отрицательно качали головой, и так – без конца.

Но вот однажды как-то пришлось полковнику Лосеву присутствовать на вечере в пользу нуждающихся русских увечных воинов, где входная плата была очень умеренная, а программа весьма богатая. И там он случайно, за буфетом, познакомился и с удовольствием разговорился с почтенным стариком, господином Конопатовым. Конопатов был московский кондовый человек, когда-то упорный и ревностный старообрядец и принадлежал раньше к богатейшей семье, торговавшей на Балчуге искони веков железным ломом.

Этот старозаветный человек совсем поразил и очаровал своими своеобразными знаниями удивленного полковника. Он умно и очень интересно говорил об архитектуре древних

¹ Предместье святого Онорэ (франц.).

² «Старина» (франц.).

русских храмов XI и XII столетий, о старых славных изографах и иконописцах православия, унесших с собою в вечность тайны своих способов, приемов и чудесных нетленных красок; о древних ризах, панагиях, плащаницах, паникадилах, светильниках и о прочей строгой лепоте церковных приборов в давно ушедшие времена. Потом разговор или, вернее, импровизированная лекция как-то сама соскользнула на Урал и Екатеринбург, где и до сих пор еще живут замечательные резчики по камню, специалисты по малахиту и яшме, большие искусники ловко обдирать второстепенные цветные камешки в печатки, вставочки и другие игрушки...

Вот на этом-то месте полковник Лосев, до сих пор слушавший старообрядца, раскрыв рот и развесив уши, решился вполголоса сказать о своем сердолике.

К его удивлению, Конопатов заинтересовался:

– На сардониксе?

– На сердолике.

– Ну, да это – все равно. Но сардоникс – и звучит знаменательнее и отдает Библиею. А, кстати, скажите внешние приметы вашей вещички.

При этом Конопатов сжал в ладони рыжие волосы своей бороды и тотчас же распустил их.

– Первое, – начал полковник Лосев, – первое: на самом верху, в левом углу, сидит, раскрыв клюв, маленькая, хорошенькая, серенькая птичка. А внизу, справа, сидит на полу презлющий котяга с большущими злыми глазами и глазееет на птичку. А по диагонали между ними протянута надпись: «Птичка поет, а кот не глядит».

– И это все? – спросил с иронической усмешкой старообрядец и еще раз заутюжил и разутюжил рыжую бородку.

– Да, как будто бы все...

– Ах, господин полковник, господин полковник. Память-то у вас должна бы быть повострее. Ну, хотите, я вам сейчас кое-что напомним.

– Пожалуйста, прошу вас, буду очень благодарен.

– Хорошо. Да неужели вы и взаправду не заметили, что в слове птичка перекадина на литере п так угнута вниз, что уже получается не п, а широко расставленное м. Отчего и выходит не птичка, а как бы скорее мтичка.

– Ах, Боже мой. Да ведь это верно. Как же я зазевался-то?

– И еще я вам кое-что укажу. Мтичка-то ваша, конечно, серенькая, а все-таки на правом нижнем перышке у нее есть тонюсенькая розовая полосочка. Так, чуть-чутьочная.

– Ну, уж этого, признаюсь, я никогда не примечал, – развел руками Лосев. – Но вы-то, вы-то откуда все это знаете, ваше степенство? Ума не могу приложить. Чудеса какие-то!

Конопатов еще раз сжал и распустил бороду.

– У меня, видите ли, ваше высокоблагородие, – глазок-смотрок. Тем все мы купцы и живы. А вот позвольте-ка мне на этих днях, так завтра, послезавтра, к вам навеститься на квартиру. Очень бы желал поглядеть на вашу мтичку.

– Пожалуйста, пожалуйста, – заспешил полковник Лосев. – Сделайте честь и милость. Позвольте, я сейчас на картоне вам мой адрес напишу. Я человек холостой и свободный, от пяти вечера до восьми всегда дома. Очень буду рад вас увидеть!

Через три дня почтенный старообрядец Конопатов постучался вечером в дверь крошечной гостиничной комнаты полковника Лосева.

– Вот я и пришел вас навестить, – сказал он, снимая пальто. – Ну, уж надо правду сказать: к вам взбираться – все равно, что Балканы переваливать.

Полковник засуетился было.

– Сейчас я чай вскипячу. А может, красенького винишка бутылку разыграем? У меня есть недурное божелэ...

Но Конопатов от угощения решительно отказался:

– Благодарю от души, но отложим этот кутеж на другой раз. Теперь у меня времени – всего пять минут, и то в обрез, в обрез. Я пришел, чтобы посмотреть на ваш резной сардоникс. Покажите, сделайте милость. А это не он ли у вас на камине? Позвольте полюбоваться?

Лосев предупредительно вытер тряпкою пыль с сердолика и передал его старообрядцу. И он сам залюбовался тем, с какою бережной уверенностью и свободной ловкостью его гость рассматривает печатку, деликатно переворачивая ее с боку на бок и щуря глаза. И – странно: с каждым движением осторожных пальцев Конопатова сердолик становился изящнее и красивее и приобретал все новую, свежую, наивную прелесть.

«Вот точно так же, – подумал Лосев, – внезапно хорошеют в руках знатоков и специалистов предметы их глубокого ведения: вина, костюмы, лошади, драгоценные камни, книги, женщины и холодное оружие».

– Да, – сказал протяжно Конопатов, поднимая глаза на полковника, – эта вещичка, поистине можно сказать, не деревянная, а прекрасная художественная резьба по ониксу, по самому твердейшему, после алмаза, камню, который свободно режет стекло. И, посмотрите, что за чудесная, тонкая работа, какая тонкость и сколько терпения! Это – настоящая гемма инталле, и ее смело можно поставить рядом с прекрасными образцами древней Греции, древнего Рима и эпохи Возрождения! «Инталле» – вот как назывались у знатоков такого рода шедевры. Вы, вероятно, не хуже меня знаете кое-что об этом великом искусстве, о резьбе по твердому камню?..

– Простите, Евмений Силыч, – почтительно, но без ложного стыда сказал полковник, – простите мне мое полнейшее неведение в этой области, но я – весь внимание. Говорите, пожалуйста.

– Хорошо. Этому искусству уже много тысяч лет, и началось оно чуть ли не с того древнего времени, когда человек с четверенек стал на две ноги. С самого каменного периода. Вековые пирамиды и старинные саркофаги заключают в себе сначала искусно вырезанных скарабеев, мистических жуков. Потом художество идет выше. В сокровенных заклятых усыпальницах фараонов ученые люди, нарушая загробную волю мертвецов, выкапывают из-под праха веков изумительные каменные доски, на которых артисты тех времен вырезали охоты, пиры и войны величайших владык, придавая событиям непонятную нам теперь красоту и условную верность. Затем – древняя Греция, воистину золотой век человечества, какой-то божественный радостный расцвет красоты и искусств: зодчества, ваяния, живописи, танца, любви и жизни. Вот когда искусство резьбы по камню достигло своего кульминационного пункта. Знали ли вы как следует государственный Эрмитаж в Санкт-Петербурге? Там была одна древнегреческая гемма, барельеф, вырезанный из сардоникса. Лучший художник того времени, по имени Александр, провел целых двадцать лет в работе над этим чудесным произведением искусства. Вот что такое геммы, сударь!

Но золотой век канул в бесконечность, увлекая с собой много тайн и недоговоренных слов. Владычество над миром перешло к жестоковыйному Риму. Рим жил широко и жадно; жестоко и сурово даже в свои изнеженные времена. Бани, акведуки, термы, триумфальные арки, победные колонны – вот было его завоевательное творчество. Однако в резном по камню искусстве Рим оставил кое-где свои могущественные следы. Какие удивительные портреты, какие выразительные профили, дышащие силой и властью! И, кажется, первыми изобрели римляне небольшие сердоликовые печатки с изображением родового герба, которыми они припечатывали свои восковые послания. И вот последний этап: эпоха Возрождения. Искусства снова расцветают, как сад, после мокрой осени и снежной зимы, весной. Из-под земли люди выкапывают забытые в ней еще с дохристианских времен самые дивные, самые прекрасные творения из мрамора, радостно воспевающие не мрачный аскетизм, не подавление всех страстей, не вражду и отвращение к плодоносной и плодотворной земле, ради далекого и холодного неба,

но буйную прелесть жизни, но огненную сладость и силу любви, ослепительную красоту нагого человеческого тела и обилие всех блаженств, так щедро рассыпанных по чудесной земле...

И тогда же, точно по могучему призывному сигналу, появляется на свет великое множество гениальных художников, которые с божественной щедростью, с языческой радостью принимают одаривать мир такими великолепными произведениями искусства, что и до нашего времени, через много столетий, они остаются несравненными и неподражаемыми; и даже секреты их творения не остались в поучение слаонервному потомству.

Вот тогда-то, в роскошную эпоху Возрождения, вместе с живописью, архитектурой, ваянием и другими искусствами, возродилось и искусство резьбы по камню, требующее ума, зоркости глаза, фантазии, терпения, а еще больше вдохновения. Тогда вошло в моду носить на указательном пальце правой руки оправленные в серебро или золото резные геммы, изображающие гербы, девизы, криптограммы, а порою даже профильные портреты знатных особ. Иногда богатые господа и госпожи сами приносили к резчику приобретенные ими редкие, еще не тронутые сардониксы и заказывали сделать из них то-то и то-то, по их личному вкусу и разумению. Но художники в ту пору были люди гордые и самоуверенные. Рассказывают об одном старинном живописце, что когда в мастерскую к нему зашел король Филипп Второй, император Испании и многих других стран, и стал, глядя на работу маэстро, давать ему советы и указания, то художник вдруг остановился и, опустив кисть книзу, сказал:

– Мне кажется, ваше королевское величество, что если бы вы присутствовали при сотворении мира Господом Богом нашим, то, наверное, не преминули бы сделать ему несколько полезных замечаний?

И король – ничего – промолчал. Так и творцы гемм... Они необыкновенно высоко ценили свое резное искусство и держали его на недоступной высоте. И надо сказать, что тогдашние князья церкви, как и князья мира, всячески любили, отличали, награждали и баловали их, не говоря уже о том, что часто прощали им великие прегрешения против всех десяти заповедей Господних.

Сохранился в преданиях один чрезвычайно характерный рассказ о Бенвенуто Челлини, величайшем резчике по всем металлам, минералам и камням и в то же время величайшем на свете проказнике, и о святейшем папе, не могу теперь вспомнить – Клименте, Павле, Сиксте или о каком-нибудь другом?

Случилось так, что, находясь на службе у строжайшего и властнейшего из пап, Бенвенуто Челлини уехал из Рима, не спросив, без разрешения, и оставив все порученные ему работы недоконченными. Неизвестно было, по каким из прелестных итальянских городов носили его страсть к приключениям, любовь к жизни, ненасытно жадный темперамент и дьявольская вспыльчивость, но до Ватикана уже успели добежать темные глухие слухи о каком-то обиженном аббате, о похищенной у родителей девушке, о пропоротом шпагой боке завистливого и наглого конкурента. Но вот Челлини вернулся в Рим, с великим трудом добился разрешения предстать перед грозные очи папы. Со смущенной душой, но с обычным гордым видом вошел он в малый, интимный покой ватиканского дворца, где сидел святейший отец, окруженный ограниченным числом любимых кардиналов. Святейший отец уже давно накопил много гнева против Челлини в сердце своем. Поэтому он сразу накинулся на художника с укорами и бранью.

– Мессир Челлини, – сказал он, – вы уже давно своим мерзким поведением, неучтивостью и небрежностью перетянули ту слабую нить терпения, на которой висело наше благорасположение к вам, заставлявшее нас скрепя сердце прощать вам многие ваши гнусные преступления и ваш позорный образ жизни. В этой руке, – продолжал он, потрясая сжатым кулаком, – нередко лежали: ваша грязная честь и ваша жалкая жизнь. Но ныне – видите – я разжимаю пальцы и предоставляю вам падать в бездонную пропасть. Но прежде – и я на этом настаиваю – вы должны мне дать ясный и правдивый отчет в том, куда вы девали данные нами вам золото, серебро и драгоценные камни, предназначавшиеся для исполнения наших заказов. И, наконец,

под страхом тяжелой кары за ложь, расскажите нам, какие причины заставили вас оставить Рим и что вы делали в своем долгом отсутствии?

Разгневанный папа умолк, но тут на свое горе льстиво сладким голосом вмешался приближенный кардинал князя церкви Строццо дель Пабло.

– Святейший отец наш, – сказал он, – как больно и как горько нам, вашим покорным рабам и верным служителям, созерцать неудовольствие и скорбь, омрачающие светлейшее чело великого Понтифекса, владыки всего христианского мира! И кто же явился причиной этого справедливого гнева? Презренный человек, низкого происхождения, мелкий ремесленник, именующий себя художником! О! эти художники! вечные посетители кабаков, друзья развратных девок, шумные буяны, кропатели злых эпитаграмм, подонки общества, язычники, а не христиане.

Но в этот момент Челлини, успевший оправиться от страха, в который его повергла папская немилость, вдруг оставил свое место и большими шагами направился прямо к креслу великого первосвященника. В руках у него был прекрасной работы кипарисовый ларец, украшенный по краям и по углам изумительными серебряными узорами. Не доходя трех шагов до подножия кресла-трона, он остановился, стал на колени и протянул ларец к ногам папы.

– Слова его эминенции, синьора кардинала, – сказал Челлини ясным и приятным голосом, – были подобны мухам на стекле: мухи жужжат, они бьются о непроницаемую поверхность, они могут загрязнить стекло, но сделать ему они ничего не могут. Одна только воля святейшего отца моего может наказать меня или наградить. Здесь, в этом ларце, заключены и мое обвинение и мое оправдание. Судья же мне только его блаженное святейшество, князь церкви, папа Римский.

Тогда папа сделал знак двум отрокам, стоявшим в белых парчовых одеждах по бокам его трона, и они приняли из рук Челлини ларец, открыли его крышку и так, в раскрытом виде, поднесли его к очам первосвященника. Наступила тишина в зале. Папа долго рассматривал содержимое ящичка, и все присутствующие видели, как постепенно прояснялось лицо папы и как, наконец, оно озарилось светом божественной радости. Зоркий же глаз Челлини успел увидеть в глазах высочайшего владыки теплый блеск удержанной слезы.

– Посмотрите, – сказал папа, обращаясь к кардиналам. – Посмотрите на это совершеннейшее творение. Вот перед вами тайная вечера Господня, изображение которой с неподражаемым искусством вырезано из многоцветного сардоникса. О! поглядите, какое дивное распределение цветов, пятен и прожилок. Господь наш Иисус Христос в белом хитоне, агнец чистый и непорочный, пришедший заклаться за грешное человечество. На груди же у него возлежит апостол Иоанн, кроткий и нежный – весь стремление к небесам. Оттого и одежда у него голубая. А дальше апостол Петр. Он стремителен, он страстен, он горяч. Он отрубает ухо рабу Малху, он же до третьих петухов трижды отрекается от Спасителя, и он же, снедаемый вечным раскаянием, требует, чтобы его распяли головой к месту, где были на Голгофе ноги Спасителя, он же тот камень, на коем основал Господь церковь свою, которую не одолеют силы вражие до скончания света. Вот почему Петр – в красной одежде. Красный цвет – символ власти и душевного горения. А вот и Иуда. Он в темно-коричневом одеянии. Какой мрак! Ибо не будет прощения ни ему, ни диаволу.

Но вот что восхищает и умиляет до слез наше сознание: миллионы, может быть, лет лежал этот камень в земле на дорогах, в пыли, в небрежении, И вот поднял его однажды художник, поглядел на него и сказал: этот дикий, необработанный камень создан Богом для возвеличения священной памяти о сыне его. И тогда взял он незатейливый резец свой и после медленной терпеливой работы создал свыше предначертанную ему последнюю трапезу Господню...

И затем папа громко произнес:

– Приблизься к нам, возлюбленный сын наш Бенвенуто. Да будет благословенно имя твое и пути твои. Ошибки твои я тебе прощаю властью, данной мне Богом. И счетов между нами больше нет. Пусть твой гений по-прежнему служит восхвалению милости и радости Господней.

И дал папа позволение Бенвенуто Челлини поцеловать свою святую руку, и все видели, как папа любовно положил руку на голову художника. А потом папа встал со своего сиденья и произнес страшные слова, обращенные к придиричивому кардиналу Строщи дель Пабло:

– Ты не мягкий, всепрощающий церковнослужитель. Ты – верблюжий кал, ты – погонщик мулов, ты – скопец... Не хочу я видеть мерзкого лица твоего. Уйди от меня надолго, пока не получишь извещения. Творение же прекрасного мастера Бенвенуто Челлини сегодня же будет отнесено в собор святого апостола Петра и поставлено в алтаре главного притвора.

– Вот видите ли, – продолжал старовер Конопатов, – видите ли, каким великим обаянием обладали художники времен Возрождения и каким беспримерным уважением пользовались они у людей силы и власти. И поэтому не мудрено, что они с горделивым презрением, с обидной насмешкой встречали советы профанов и грубо отвергали домогания темных, сомнительных богачей. Да и зачем им было отдавать свои шедевры в грязные, невежественные руки плебеев, когда папы, императоры, короли и герцоги Европы за великое счастье считали приобретать их геммы и первые знатные красавицы Старого Света лучшим украшением для своих стройных шей и блистательных плеч признавали камеи, вышедшие из-под резца одного из итальянских высоких мастеров!..

Ну, а теперь о вашей гемме, о вашем коте со мтичкой. Да, я повторяю опять: это – настоящая гемма. Конечно, не расцвета эпохи Возрождения, а, скорее, ее конца, но вещь все-таки стоящая внимания. Посмотрите, как тонко, умно и расчетливо мастер использовал все цветочные эффекты. Розовая жилочка в сердолике, вот вам и готово перышко малиновки. Полуоткрытый клюв – экстаз. Кот серый и притом самый лукавый, откормленный, глаз-то у него не то янтарного, не то хризолитового цвета, желтый, но ободок-то у глаза почти черный, ибо хищный котяга, беспощадный. Пустячное – скажете – инталье, а сколько в нем находчивости, старанья и любви! Мастер – безусловно итальянец, ну а надпись-то позднее придумал и сделал наш брат, новгородский гусеед, из Новгорода Великого. Надпись преехидная и презанимательная. Настоящее русское густое остроумие. А где вам ее приобрести случилось?

– В Гдове, у захудалого старьевщика. За гроши мне досталось.

– Так, так, так-с. Крадишка, значит.

– Вероятно.

– Да чего же вероятнее. Я, когда мне шел тридцать третий годок, – время-то сколько утекло, – собственными глазами эту мтичку видел и хорошо запомнил. А видел я ее в Пскове, младшем брате Новгорода, в музее Поганкинских палат. Тогда же мне старый-престарый сторож рассказывал, что эта геммочка слывет как бы амулетом: кто ее носит с собою – тот может не бояться внезапной и пагубной любви к особе другого пола. Волшебная, видите ли, вещь.

Тут, кстати, Лосев поведал староверу о недавних своих попытках продать кота с мтичкой, но Конопатов даже руками замахал.

– Бросьте и думать об этом. Такое чудесное изделие нельзя псу под хвост бросать. Луврский музей тоже ее у вас не купит, уж больно густо-русский юмор. Нет, раз попала гемма вам в руки, держите ее у себя крепко.

Полковник пожал руку Конопатову.

– И правда, – сказал он. – После вашего чудесного рассказа мне жалко стало думать о продаже. Пусть уж у меня живет и от роковой скоростижной любви меня охраняет.